

Долгожданное
продолжение

сказок-детективов

о чихуахуа

ПИНКИ

и её друзьях

Елена Александровна Воронкевич Долгожданное продолжение сказок-детективов о чихуахуа Пинки и её друзьях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71280535

*Долгожданное продолжение сказок-детективов о чихуахуа Пинки и её
друзьях. / Воронкевич Е.А.: У Никитских ворот; Москва; 2024
ISBN 978-5-00246-131-8*

Аннотация

Эта книга – продолжение детективных приключений Пинки и её друзей, но уже в новом окружении. Да и дела теперь будут решаться очень серьёзные. В итоге удастся помочь важному для Пинки человеку!

Содержание

Мои волшебные читатели!	6
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвёртая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Воронкевич
Долгожданное
продолжение сказок-
детективов о чихуахуа
Пинки и её друзьях

© Воронкевич Е.А., 2024

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2024

Мои волшебные читатели!

Я решила для тех, кто ещё не прочитал первую книжку о замечательной деятельности Союза Рыжих и жизни его славной руководительницы – моей пра-прапрапра... и ещё много раз прабабушке чихуахуа Пинки, немного рассказать о героях, которые перекочевали в эту книжку из предыдущей, уже давно написанной и изданной.

Если коротко, то чихуашка Пинки, совершенно ни от кого и ни от чего не зависимая собачка-детектив, жила в Лондоне в одном симпатичном доме на Бейкер-стрит.

Её лучший и самый верный друг, соседский сеттер Лестрейд, всегда был рядом с ней и во всём ей помогал. Считай, что он был её правая лапа.

Пинки с Лестрейдом удочерили кошечку Коломбу. Звучит удивительно, и потому все поначалу удивляются, но потом привыкают и считают это само собой разумеющимся.

С ними жили тауэрский ворон-воришка Кар-Карыч и шикарная попугаиха ара Мэг Рэд. Ну, об этой паре в двух словах не написать!

Ещё с ними жили филин Дон Цова и голубка Мисс Марпл. В эту книгу они не перекочевали, но упомянуть о них нужно потому что они великолепны сами по себе! Хотя о филине в одном эпизоде всё же вспомнят.

Есть ещё замечательные доги Эркюль и Кристи. В эту

книжку они тоже не войдут, но они столь значительные, что нельзя о них не сказать.

Есть ещё мужественный и добрейший лев Конан, но он тоже герой первой книжки.

А вот доберманы Рекс и Стаут в этой книжке будут упомянуты, хотя они были и не столь значительные персонажи, как те, о ком говорится выше, но они были, и хотя и с трудом, но со всеми смогли подружиться.

В той первой книге Пинки жила незаметно в миленьком домике на Бейкер-стрит, и совсем не замечали её там хозяйка дома миссис Хадсон и два её жильца – Старый Наркоман и Пьяница Лекарь.

Все остальные герои этой книги – это уже вновь приобретённые друзья Пинки. Ибо все, кто встречался на её жизненном пути, становились её друзьями и коллегами. Жизнь чихуашки и её друзей в первой книжке была во всех смыслах прекрасна! А на страницы этой книги Пинки привёл несчастный случай, который изменил её жизнь до неузнаваемости. Ну а подробности уже в самой книге. Так что до встречи на её страницах!

Приятного вам времяпровождения! Пинки и её друзья не дадут вам заскучать!

Глава первая

Пролог

Жизнь, осложнённая излишествами. Или there is no flying from fate – от судьбы не уйдёшь!

Если читатель уже знаком с жизнью и приключениями чихуауа Пинки, то он помнит, а новый гость наших сказок узнаёт, что с чихуашкой случилось несчастье, которое полностью изменило её жизнь и жизнь её верных друзей. Она чуть не погибла под лошадиными копытами, и самый близкий друг Пинки – сеттер Лестрейд смог её спасти ценой невероятных усилий и упорства. Он принёс Пинки в дом к её могущественному другу Большеглазому, где ей оказали всю возможную помощь. И теперь каждое утро Лестрейд подходил к воротам дома Большеглазого со страхом, что его не пустят к раненой подруге. Но каждое утро перед ним открывали двери красиво, но почему-то одинаково одетые мужчины, и он, уже зная дорогу, бежал туда, где чихуашка лежала с закрытыми глазками и спала. Большеглазый велел оборудовать ей место рядом со своим столом в кабинете. Это была мягкая постелька со смешным кружевным навесиком. Симпатичное сооружение очень мешало Лестрейду обнюхивать подругу. Он это делал всякий раз, чтобы убедиться, что ей не стало хуже.

В один из таких дней он учуял, что от ножки Пинки пахнет бедой! Так пахнет от давно затерянной в кустах подстреленной дичи. Но у его подруги был пока ещё едва различимый, далёкий запах беды. Надо было её спасать и очень быстро звать на помощь! Лестрейд выскочил из помещения, где лежала Пинки в своей кружевной постельке, и побежал из зала в зал по лестницам и переходам в поисках Того Самого Пахнущего Лекарствами, который уже так много сделал для Пинки и должен был опять её спасти. По следу было идти не трудно, ведь у этого лекаря был очень стойкий запах лекарств. Поэтому Лестрейд нашёл его быстро и легко. С этого момента пока будем его называть Лекарь, во-первых, чтобы не путать с Пьяницей Лекарем, а во-вторых, чтобы укоротить его имя. Тот Самый Пахнувший Лекарствами – уж очень длинно.

Бегать по огромному дворцу сеттеру никто не мешал, и никто его не останавливал. Видно, Большеглазый всех предупредил. Как только Лекарь обнаружился, Лестрейд поприветствовал его громким лаем, взял за рукав и повёл к Пинки.

– Куда ты меня ведёшь, золотая собака, что-то случилось? – спросил Лекарь.

– Конечно, случилось, – пролаял Лестрейд, – иначе зачем ты был бы мне нужен!

Они быстро прошли по залам и коридорам и подошли к кабинету, где была Пинки. Лестрейд выпустил рукав и, посмотрев на дверь, горестно завыл! Лекарь прочёл в его гла-

зах то, что заставило испугаться.

– Ах вот оно что! Похоже, о беде ты меня предупреждаешь, – прошептал Лекарь. – Ну, давай посмотрим, что тут стряслось...

Им открыл дверь важный мужчина, который всегда открывал и закрывал дверь для всех, кто входил в кабинет Большеглазого, включая Лестрейда. Они вместе подбежали к чихуашке, и сеттер осторожно ткнул носом в большую ножку. Лекарь снял бинты и увидел причину паники друга Пинки! А причина была, и очень значительная. На ножке началось воспаление, и рана загноилась.

– Вот ведь беда, – бормотал Лекарь. – Что я теперь скажу Его Величеству! Так, надо чистить рану и побольше иссечь омертвевшей ткани. Нужно обработать её обеззараживающим раствором.

Лекарь взял собачку из кровати и куда-то понёс. Лестрейд рванулся за ним, но он остановил его жестом руки и, быстро закрыв за собой дверь, ушёл с Пинки куда-то, где сеттер не мог её видеть и слышать.

«Ну, без паники, – подумал Лестрейд, – этот Лекарь не пьющий, не то что наш с Бейкер-стрит. Он должен быть хорошим профессионалом, раз находится в доме Большеглазого. Он ей обязательно поможет, один раз уже помог, и опять у него всё получится. Не зря же его выбрал Большеглазый из всех докторов в этом огромном городе, а может, и в стране, а может, и дальше».

Дальше Ирландии Лестрейд не бывал, но хозяин часто говорил о дальних странах и Индии, иногда хотел туда уехать и взять с собой Лестрейда. Этого допустить было никак нельзя, и на это время сеттер придумал себе пути отхода. Он собирался спрятаться у дога Эркюля в доме. Там бы его никто не искал. К тому же там сытно и тепло. Но теперь, когда так всё изменилось к худшему и Пинки живёт сейчас в необъятном доме-дворце Большеглазого, Лестрейд вообще мог из этого дома не выходить. Он и не хотел уходить от подруги, но их с Пинки товарищи каждый вечер сидели в сарае и ждали новостей. Они так волновались, что даже Мэг Рэд, которая не любила покидать свою роскошную клетку, каждый вечер выбиралась из неё и потихоньку, чтобы Старый Наркоман не увидел, куда она полетела, пробиралась в сарай и с нетерпением ждала со всеми возвращение сеттера. А сегодня новости были совсем тревожные! Надо помочь Пинки! Лестрейд ещё не знал как, но знал точно, что он ещё не всё сделал! И тут вдруг открылась дверь и в комнату вошёл Большеглазый.

– Собака, а где наша Голди? – обратился он к сеттеру.

Лестрейд, не медля ни секунды, осторожно взял Большеглазого за рукав и потащил из комнаты. Теперь он бежал впереди своего нового друга и оглушительно лаял, приглашая его поспешить. Они опять быстро прошли по следу Лекаря и застали того в операционной. Он склонился над лежащей на столе на белой простыне разбинтованной Пинки.

– Ваше Величество, как вы вовремя пришли! Я как раз

хотел отправиться к вам с докладом о здоровье Голди.

– С ней что-то не так? – спросил Большеглазый.

– Да, лапка загноилась, есть опасность, что её придётся ампутировать.

Лестрейд не знал, что такое «ампутировать», но понял, что дело плохо, и после этих слов взвыл так горестно и громко, что о нём немедленно вспомнили, и Большеглазый сказал:

– Доктор, мне кажется, что пёс всё понимает, не пугайте ни его, ни меня. Лапку надо сохранить любой ценой. Думайте как, делайте всё, что нужно, и после операции на перевязках больше не применяйте эфир. Собачка малюсенькая и может не проснуться. Пусть ей будет больно, но она так скорее выздоровеет. Он ей поможет! – Большеглазый указал на Лестрейда.

– Слушаюсь, Ваше Величество! У меня появилась одна идея, это должно помочь. Только надо убрать из операционной сеттера, он может помешать. Первым делом я зачищу рану. И придётся удалить часть кожи и мышечной ткани, но потом всё покроется шерстью и ничего видно не будет.

– Доктор, для меня и друга Голди это совершенно неважно. Главное, чтобы она выжила и пришла в себя. Сеттера я сейчас попробую убрать из операционной.

«О-о-о, какой умный этот Большеглазый! Как он всё правильно сказал. Нам всё равно, главное, чтобы Пинки была жива, и называйте её как угодно, хоть Голди, хоть Сильвер,

только вылечите! В одном ошибся мудрый Большеглазый, я никуда от Пинки не уйду, не настолько я доверяет Лекарю! Если они будут настаивать, придётся их укусить», – подумал сеттер и отошёл в угол комнаты, таким образом заняв обору.

«Если кто сунется, я поначалу зарычу, а потом уже укушу, пусть только попробуют», – решил Лестрейд.

Но до этого не дошло. Как только пёс посмотрел на Большеглазого несчастными глазами и при этом свирепо зарычал, Его Величество всё понял и попросил собаку не трогать.

– Сэр Стенли, оперируйте при нём. Он ей будет поддержкой, а вам не такой уж и помехой.

– Да как же при нём?! Он же на меня набросится сразу, как только она заскулит!

– Ну, если она будет много скулить, я тоже на вас наброшусь. Делайте всё быстро и максимально безболезненно.

Не будем подробно описывать мучения Пинки, а перейдём сразу к хорошему. Во-первых, операция прошла успешно. Во-вторых, Пинки не было очень больно, и самое главное, что, когда она пришла в себя, она увидела перед собой встревоженную морду Лестрейда, а не чью-то ещё, и поэтому вообще не испугалась.

– Лестрейд, дружище, что со мной? Где я и сколько времени тут пролежала? Если прошло меньше часа, то мы ещё успеем в зоопарк ко льву Конану.

– Мисс Пинки, – засуетился Лестрейд, – мы тут давно, го-

раздо больше часа. Вы под лошадь попали, но всё обошлось. Вы скоро встанете на лапки, и мы вернёмся домой.

– А сейчас мы где, позвольте спросить?

– А сейчас мы у Большеглазого. Он и его Лекарь, сэр Стенли, вас спасли.

Пинки попыталась подняться, но не смогла. Она опять была перебинтована с головы до лапок и напоминала клубок пропитанных лекарством бинтов. Потому что, кроме разбитой лапки, она была вся покрыта ранками и ссадинами разной степени тяжести и опасности, но по сравнению с лапкой это было уже не столь страшно.

– Да-а, ничего не скажешь, попали же мы в переплёт, мадемуазель! Но вы не волнуйтесь, всё под контролем, и как только вам станет лучше, мы сразу отсюда убежим. А пока вы ни от чего не отказывайтесь. Вас будут лечить и кормить, а я буду с вами с утра и до вечера. Вы под моей защитой, а мне здесь ещё и Большеглазый помогает, – торопливо сообщил Лестрейд.

– Да, потерянного времени не вернёшь, – сказала Пинки. – Ну да делать нечего, придётся лечиться, пока не вылечусь.

Так что долго или коротко лечили Пинки в доме Большеглазого, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро лечение заканчивается, но в один из ветреных и дождливых дней Пинки сама встала и пошла пройтись по комнате. На лапку было не наступить, пришлось её волочить, в остальном было терпимо, и дышать уже было приятно, а не

больно. Лестрейд лежал возле большой стеклянной двери, за которой было видно улицу, и крепко спал. Он и так был очень худеньким, а стал совсем бестелесным.

«Одна шкурка осталась и косточки, – подумала Пинки. – Чтобы так похудеть, нужно время. Похоже, мы находимся здесь уже давно. Надо отсюда выбираться. Сейчас Лестрейд проснётся, и мы это обсудим».

Сеттер как почувствовал мысли подруги, сразу открыл глаза и вскочил на лапы.

– Мадемуазель Пинки, вам лучше?! Как я рад! Вы уже ходите! Вы героическая собака! Я вами восхищаюсь!

– Ах, оставьте, можете не продолжать! Лучше расскажите, как мы здесь очутились?

Выслушав рассказ Лестрейда, Пинки легла на пол прямо там, где стояла, и закрыла глаза. Перед её мысленным взором летели смутные картины произошедших событий, одна страшнее другой.

– Так вот оно что! Я чуть было не погибла! – сказала она вслух.

– Да! Именно так! Но мы с Большеглазым вас спасли. Тут есть замечательный Лекарь, и он вас вернул с того света! У них самые лучшие лекарства. И вообще, Большеглазый очень хороший хозяин.

– Чей хозяин?!

– Ну, пока ничей, но очень хочет стать вашим хозяином, это уж я чувствую!

– Мало ли что он хочет! Вы же знаете, как я к этому рабству отношусь. Это для меня неприемлемо, хоть бы он был золотой!

И в это время открылась дверь и в комнату, сверкая эполетами, золотыми пуговицами, галунами и орденами, вошёл Большеглазый. На мундире было так много золотой тесьмы, что только кое-где проступала тёмная ткань.

– Ого, – пролаял Лестрейд, – а он и впрямь золотой!

Золотой Большеглазый радостно заулыбался, подошёл к Пинки и осторожно взял её на руки.

– Моя золотая собачка, тебе лучше?! Я так рад! И похоже, что ты собралась домой, если я тебя правильно понимаю. Но поживи у меня ещё немного, пока не выздоровеешь, а потом побежишь домой и будешь приходить ко мне в гости, когда захочешь. А пока давайте поедим.

– Джеймс, – обратился он к Лысому, – накройте мне в кабинете и принесите еды моим друзьям. Принесите побольше, чтобы у них был выбор.

– Слушаюсь, Ваше Величество! Но только какой выбор? Этот, – он указал на Лестрейда, – ест всё. А ваша клюёт, как птичка.

– И тем не менее принесите побольше и поразнообразнее. Лысый отправился выполнять поручение, а Лестрейд радостно забегал вокруг подруги.

– Мадемуазель Пинки, ну что я вам говорил! Он старается вас повкуснее накормить, а это первый признак поведения

хорошего хозяина.

– Я и сама всё вижу, друг мой! Это как раз меня и не устраивает. Хотя... – собачка посмотрела в глаза Большеглазого. Они были совсем рядом, очень красивые глаза...

Пинки вдруг понюхала его щёку и зачем-то её лизнула. Большеглазый рассмеялся и опустил собачку на пол.

– Ну вот, значит, это знак согласия дружить и не убегать, пока не выздоровеешь?! Я правильно тебя понял, золотая моя?!

– Не золотая, а рыжая! – пролаяла Пинки.

Но Большеглазый понял всё по-своему. А тут ещё принесли еду. Все уткнулись в свои миски. На Пинки напал волчий аппетит. Это всех порадовало, даже Лысого. После еды сразу захотелось спать. Чихуашка вздохнула и похромала в свою кружевную кроватку. Лестрейд пошёл за ней и лёг рядышком на пол.

– Ну вот, идиллия, – сказал Большеглазый. – Я тоже пойду вздремну, погода располагает. А потом поработаю. Джеймс, присматривайте за Голди. Как только она проснётся, позовите сэра Стенли. А затем он мне лично доложит результаты осмотра.

Большеглазый посмотрел на лондонское небо, низкое и свинцово-серое. Дождь лил не переставая, и упругие струи били о стекло. За окном было темно и неуютно. «Похоже, что Рыжий сегодня останется во дворце. Через час станет совсем темно. Ну, будем надеяться, что его хозяин привык

к длинным отлучкам своей собаки. И надо же, какая у этих собак почти лебединая верность!» Большеглазый вышел из кабинета и сам осторожно закрыл за собой дверь.

Глава вторая

*If there were no clouds we should not enjoy the sun.
Или если бы не было туч, то мы не ценили бы
солнце!*

Долго ли, коротко шло выздоровление Пинки, скорее долго. Но и плохое, как и хорошее, в конце концов заканчивается. Такова жизнь! Нельзя сказать, что Пинки жилось плохо, когда она болела. Её никто и ничто ни в чём не ограничивали, кроме бинтов и лангеты, которые очень мешали двигаться. Лестрейд прибегал к ней каждый день в любую погоду. По приказу Большеглазого ему все помогали, а со временем были даже рады видеть и потрепать по огненно-рыжей шёрстке.

Вот и сегодня за окном был ненастный день. Лил затяжной дождь, но дверь кабинета приоткрылась, и влетел запыхавшийся Лестрейд.

– Мадемуазель Пинки, у меня прекрасная новость, – заголосил он с порога, – но сначала расскажите, как вы себя чувствуете?!

– Я замечательно себя чувствую, и позвольте без подробностей. Рассказывайте, что у вас за прекрасная новость, и не тяните. Я вся внимание!

– Хорошо. Не буду вас нервировать. Новость такая: у нас

появился внук. Надо бы его вам как-то представить.

– Очень интересно! И кто же он?

– Это бельчонок. Зовут его Браун. Точнее, его никак не звали, когда мы его нашли. Его так назвала Коломба. Вообще, я наблюдал преемственность поколений! Когда она взяла его за шкурку и понесла домой, я сразу вспомнил, как вы несли её, когда нашли в сквере под кустом, малюсенькую и еле живую.

– О господи! Я-то спрашивала, кто этот наглец, что ухитрился сделать меня бабушкой! А вы в этом смысле! Фу, фу, фу! Ладно, понятно. А где вы нашли этого бельчонка, тоже в сквере?

– Нет, мы навещали льва Конана. Когда шли через парк, бельчонок нашла под деревом Коломба. Он выпал из гнезда и лежал на земле без движения. Она его решила спасти и взяла себе на воспитание. Так что теперь вы бабушка!

– Вы в своём уме, Лестрейд?! Прекратите это повторять, лучше расскажите, как он себя чувствует? Он быстро пришёл в себя? Вы выяснили, почему он выпал из гнезда?

– Да, думаю, что мы смогли правильно предположить, что он потерял своих родителей и от голода упал с ветки. Он был очень маленький, когда мы его нашли. Сейчас он уже окреп и подрос. Мэг Рэд делится с ним орешками и фруктами. Кар-Карыч собирает ему грибы. Так что мы справляемся. Он сыт и живёт в атмосфере любви. Всё, чего ему недостаёт, – это только вашего присутствия. Но этого нам всем недостаёт. И

в целом мы справляемся.

– Почему мне сразу не сказали? – разволновалась Пинки.

– Не хотели тревожить. Вдруг бы он умер, и вы бы огорчились, а вам нельзя этого совсем, – при этих словах в животе у Лестрейда как-то странно пискнуло.

– Это не я, – сказал он торопливо, – Коломба приняла такое решение.

– А, Коломба! Неразумное дитя! Хотя в этом есть доля истины. Ну и как он сейчас?

– Кто «он»?!

– Господи, Лестрейд! Вы меня удивляете, бельчонок, конечно!

– А! Он просил, чтобы я его взял с собой.

– И почему же вы его не взяли? Из-за дождя?

– Почему же не взял? Как раз взял! Он здесь, со мной, я просто хотел вас подготовить. Всё-таки такая новость должна сообщаться осторожно.

– И где же он? – оторопело поинтересовалась Пинки.

– Брауни, выходи, не бойся, – засюсюкал Лестрейд, – бабушка будет рада тебя видеть!

Пинки на этот раз предпочла сдержаться и не окорачивать Лестрейда, хотя ей совсем не нравилось, что он уже в который раз назвал её бабушкой! Она с удивлением и замиранием смотрела на сеттера. Шерсть на груди у него зашевелилась, и откуда-то из-под брюха выполз и перебрался на загривок маленький, тощий и длинный бельчонок.

«Чистый Шнурок в детстве, – подумала Пинки. Так она называла Коломбу, когда та была ещё совсем маленькой. – И он тоже хорошо вписывается в Союз Рыжих!» Чихуашка счастливо улыбнулась.

– Ну, здравствуй, – сказала она, – как твои дела? Рада тебя видеть!

– Благодарю, всё замечательно, – пискнул бельчонок, – я очень рад с вами познакомиться!

Вдруг дверь в кабинет открылась, и вошёл Большеглазый. Бельчонок в мгновение ока исчез в густой длинной шерсти под брюхом у сеттера.

– А, дружище! – сказал Большеглазый. – Ты уже здесь! Погода не для прогулок, однако! Ну, ты молодчина, не оставляешь свою подругу даже в такое ненастье! – и он потрепал сеттера по загривку как раз в том месте, где только что сидел бельчонок.

Пинки с Лестрейдом заговорщицки переглянулись и улыбнулись. Большеглазый погладил чихуашку по голове, пробормотал, что она неплохо выглядит и большая молодчинка, прошёл к столу, принялся за работу, и через минуту в кабинете появился Лысый с мисочкой еды для Пинки.

– Джеймс, принесите ещё еды для друга Голди, и побольше. Он что-то совсем худой. Положите здесь для него подстилку, он ещё не обсох, а лежит на холодном полу. Это нехорошо.

После того как Большеглазый занялся своими бумагами,

а Лестрейд поел и осторожно, чтобы не придавить Брауни, растянулся на принесённой подстилке, Пинки решила сообщить сеттеру о новом деле. У неё давно зрел план помощи Большеглазому, и она никак не могла сообразить, как за это взяться, пока не увидела Брауни.

– Лестрейд, пришло время нам возвращаться к делам. Тем более что Большеглазый нуждается в помощи. А он так много для меня сделал, что самое время отплатить ему тем же.

– Мы будем его лечить? – живо поинтересовался Лестрейд. – Надо же, а выглядит он вполне здоровым.

– Нет, конечно! Мы будем ему помогать, а не лечить. Тем же – это в том смысле, что мы ему тоже поможем, чем сможем.

– Понятно, я с радостью! – отозвался Лестрейд.

– Итак, пока я тут лежала, голова моя пухла не только от боли, но и от секретов государственной важности!

– Что вы говорите! Они обсуждали их прямо при вас?!

– А чем я им могла помешать? – удивилась Пинки. – Они же не знают, что мы всё понимаем.

– А, ну да! Я всё время забываю, какие они бестолковые!

– Лестрейд, не забывайтесь! Мы сейчас говорим о Большеглазом, а он мой друг! Это то же самое, что кто-то бы вас при мне называл бестолковым!

«Ну и что с того, – подумал Лестрейд, – по большому счёту так оно и есть, что уж оболящаться!»

Вслух он извинился за свои необдуманные слова и сказал,

что с радостью поможет другу его лучшей подруги.

– Итак, сначала я обозначу проблему, – сказала Пинки. – У Большеглазого возникли вопросы к германцам. Они слишком быстро узнают то, что им не нужно знать. Похоже, в окружении Большеглазого есть шпион. Надо нам затруднить ему связь с германским посольством или затруднить связь германского посольства с Пруссией. Одно из двух мы точно должны сделать.

– А мы уже знаем, как это можно сделать? – скромно поинтересовался Лестрейд и вытаращил глаза.

– Теперь у нас есть идея и план. И нам понадобится помощь Брауни.

Чихуашка прислушалась... Тишина. Бельчонок никак себя не проявил. Даже шерсть на животе у Лестрейда не шевельнулась.

– Я что подумала, они, – Пинки кивнула на Большеглазого и стоящего у стола Лысого, – довольно часто отправляют курьера с письмами для посольства. Курьер отправляется от дворца в карете, и его сопровождают четыре конных гвардейца. Нам надо проследить, куда курьер отвозит письма, где этот германский посольский двор. А потом придумать, как сделать так, чтобы из этого здания нельзя было быстро передать полученную информацию. И это надо поручить Брауни. На него никто не подумает. Белка может проникнуть куда угодно и при этом ни у кого не вызовет подозрения.

– Да, прекрасный план, и нет никакого риска для Брауни.

Тогда я побегу, надо отнести бельчонка домой, нам уже пора, наверно.

Пинки посмотрела в окно, ливень закончился, но тучи по-прежнему летели по небу, клубясь и угрожая возможным продолжением дождя.

– Да, идите, конечно! И спросите Рекса и Стаута по поводу того, как немцы так быстро передают информацию в Пруссию. Доберманы всё время рядом со своим хозяином-инженером и лучше нас разбираются в технике.

– Хорошо! До встречи, мадемуазель Пинки! Завтра мы опять придём вместе с Брауни.

– Буду ждать с нетерпением, до завтра!

Когда Лестрейд убежал, Пинки забралась в свою кроватку, с наслаждением вытянула больную ножку и подумала, что она опять счастлива. Опять в строю, хоть и не дома. Да, милый, милый дом! Как там все? Но с другой стороны, если бы не было туч, то мы не ценили бы солнце!

Глава третья

Спасение империи не всегда дело рук сильных мира сего! Незримые спасители империи. Well begun is half done. Или доброе начало полдела откачалло!

Настало хмурое утро следующего дня. Пинки, как только проснулась, посмотрела, какая погода за окном. Дождя не было, солнца тоже не было.

«Мрачновато, – подумала чихуашка, – но это нам только на руку».

За спиной тихо открылась дверь, и со словами приветствия, цокая когтями, вбежал запыхавшийся Лестрейд.

– Что-то случилось?! – спросила взволнованно Пинки.

– Нет, нет! Мы просто решили прибыть во дворец пораньше, чтобы не пропустить карету с курьером.

– Это правильно. Вы очень кстати. Большеглазый как раз вчера вечером говорил о документе для прусского посольства. Брауни с вами?

– Конечно! Он в этом деле главный участник!

– Доброе утро, Брауни! – сказала Пинки, посмотрев на пушистую грудь Лестрейда.

Брауни только успел пискнуть в ответ, как открылась дверь и в кабинет вошли Большеглазый и Лысый.

– Голди, у тебя уже гости с самого утра? Всем доброе

утро! – сказал Большеглазый. – Джеймс, принеси всем завтрак, но сначала распорядись по поводу отправки этого письма.

– Лестрейд, – прошептала Пинки, – завтрак от вас никуда не денется, сначала бегите во двор и доставьте Брауни к карете.

– Брауни, – обратилась она к невидимому бельчонку, – твоя задача на сегодня – проехать в карете до того места, куда отвезут это письмо, запомнить его и вернуться к нам.

Шерсть на груди Лестрейда слабо шевельнулась, как от внезапного сквозняка. В это время Лысый с поклоном принял письмо и пошёл к двери. Сеттер выскочил за ним вслед из кабинета и через короткое время вернулся обратно вместе с Лысым, несущим полные миски мяса. Создалось впечатление, что он сопровождал Лысого Джеймса до кухни и обратно.

– Как всё прошло? – спросила Пинки.

– Прошло всё без сучка и без задоринки! Я отвлёк фореятора, и Брауни незаметно забрался на крышу кареты.

– Хорошо, теперь будем ждать.

Есть Пинки не хотелось. Она с удивлением смотрела на друга, который уже вылизывал свою миску.

«Ну и проглот, – подумала чихуашка, – нервы у него железные!»

Прошло много времени, и наконец они услышали звук приближающегося экипажа. Лестрейд побежал к двери. Ему

открыли, и он рванул к выходу из дворца, боясь, что не успеет к карете, пока она будет стоять у входа. Он успел, карета стояла на месте, но бельчонка на ней не было.

– Брауни, спускайся, не бойся, – негромко позвал Лестрейд.

Но ничего не произошло. Сеттер понял, что Брауни точно не вернулся с каретой обратно, потому что запах бельчонка уже почти улетучился. Он почему-то отстал от кареты.

Лестрейд, грустно вздыхая, брёл по залам дворца обратно к Пинки и не знал, что теперь делать. В Ковчег (так они все давно называли сарай, где жили всей компанией) возвращаться без Брауни нельзя. Встречаться с Коломбой при таких обстоятельствах ему совсем не хотелось. Конечно, с Брауни ничего плохого случиться не могло, но ведь что-то его заставило не вернуться с каретой...

«Ладно, Пинки что-нибудь придумает», – решил Лестрейд.

Когда он возвратился, Большеглазого в кабинете уже не было. Подруга стояла у двери и с нетерпением посмотрела ему в глаза.

– Он обратно не приехал. Не знаю, что и думать, – тихо сказал сеттер.

– Ждём до завтра, – вдруг спокойно произнесла Пинки, – и вам, Лестрейд, лучше сегодня остаться здесь до утра. Сами понимаете почему. Не будем тревожить Коломбу. И ещё завтра Большеглазый ждёт ответ на своё письмо. Значит, из

посольства должен прибыть курьер. Подождём, что будет. Но вам с утра нужно занять позицию у служебного входа и встречать все экипажи, особенно чужие.

– Вы думаете, что Брауни может возвратиться к нам с посольским экипажем?

– Думаю. Он произвёл впечатление очень смышлёной белки.

– Ну да, Коломба так и говорит, что он из семейства кошачьих белок.

– А что, такие есть?

– Я тоже её об этом спросил. Она говорит, что он единственный представитель этого семейства, – улыбнулся Лестрейд.

Солнце так и не показалось. День был мрачным, серым и долгим, таким же как настроение Пинки и её друга. Единственный способ приблизить утро – это заснуть и видеть пусть даже самые невесёлые сны. В любом случае это лучше, чем невесёлые думы. Пришлось без аппетита поесть, на голодный желудок не заснёшь. Наконец чихуашка услышала ровное, убаюкивающее сопение Лестрейда. Она долго лежала и дремала, сон не шёл, и в какой-то момент это ей надоело. Она открыла глаза и увидела, что на улице ещё темно, но едва уловимые признаки утра уже были не так видны, как слышны. В парке заорала ворона. Пинки поняла, что это предупреждение: «Всем! Всем! Всем быть осторожнее! В парке замечена кошка!»

«Ах, Боже ты мой! Вдруг это Коломба не выдержала и прибежала в парк, поближе к нам?! Нужно было вчера её предупредить! Понятно, папочка Лестрейд с Брауни не вернулись ночевать. Такого никогда не было! Конечно, это сведёт с ума любого!»

– Друг мой, поднимайтесь! Мы с вами очень неразумные родители! Бегите в парк, там, судя по всему, Коломба. Объясните ей, что всё под контролем!

Лестрейд вскочил как ужаленный и кинулся к двери. Он даже не спросил Пинки, откуда она знает, что Коломба в парке. Уж так у них повелось – доверять друг другу безоговорочно. Ему открывали двери, а он бежал и с ужасом думал о том, что драгоценная Коломба одна шла ночью по городу и через парк!

«Какой ужас, а вдруг на неё кто-нибудь нападёт?! Надо быстрее бежать!»

Но выход из дворца был закрыт. Лестрейд устроил такой шум и гам, что ему открыли дверь и ворота. Он рванул в темноту парка с криком: «Коломба, я здесь! Где ты, радость моя?!»

– Папочка Лестрейд, ты жив! – завопила кинувшаяся к нему рыжая кошечка.

В общем, в парке вокруг дворца под утро стоял невообразимый гвалт: лай, карканье и кошачий визг. Пинки стояла у балконной двери и думала о том, что у неё самая замечательная семья в мире, которая не даст пропасть, но и не даст

спокойно поспать.

Вскоре шум прекратился, и от этого стало ещё беспокойнее.

«Буду ждать утра и известий от Лестрейда. Делать нечего», – подумала чихуашка и заснула тревожным сном.

– Мадемуазель Пинки, – раздалось у неё над ухом, – мы прибыли, задание выполнено!

Чихуашка сразу проснулась! За окном было уже светло.

– Брауни с вами?! – задала вопрос Пинки, стараясь скрыть волнение.

– Да, он вернулся, но ждёт меня на дереве. Точнее, они с Коломбой там меня ждут и передают вам привет и поцелуйчики. Брауни мне всё рассказал. Я вам сейчас всё передам слово в слово.

– И поцелуйчики? – ехидно поинтересовалась подруга.

– Это Коломба просила передать. Я решил не менять формулировку, – смущённо промямлил сеттер.

Из рассказа Брауни и Лестрейда Пинки поняла, что бельчонок добрался без происшествий до здания посольства, покинул крышу кареты и перебрался на крышу нужного ему здания, используя растущие рядом деревья. С крыши он пробрался на чердак и решил заняться делом не откладывая. Сначала он подождал темноты, а потом всю ночь перегрызал все провода, которые ему удавалось обнаружить на чердаке и в коридорах. Утром он уже сидел на дереве и ждал знакомую карету. На ней он вернулся во дворец, где под ближайшим

от ограды деревом его уже поджидали Лестрейд и Коломба. Так что теперь они им очень гордятся.

Ну что тут сказать, и Пинки тоже им гордится. Надо же! Такой маленький и удаленький! Интересно, к чему приведёт этот налёт на посольство одного бельчонка, к миру или к войне?

В кабинет вошёл Большеглазый, сопровождаемый встревоженным Лысым Джеймсом.

– Ваше Величество, у них испорчена вся проводка. Непонятно, как это могло произойти? Наверно, нашествие крыс. Складывается ощущение, что ночью много крыс пришли, перегрызли всю проводку и к утру ушли восвояси. Как волна океанская, всё снесла, и как её и не было. Другого объяснения нет.

– Это нам очень кстати. Отправьте письмо с нашим сочувствием и готовностью оказать любую техническую помощь. Но на миграцию крыс мы оказать влияние не можем. Природа и фатум, что тут поделаешь, они сейчас на нашей стороне!

«На вашей стороне, Большеглазый, первым делом я и моя семья, а уж потом фатум», – улыбнулась Пинки.

Глава четвёртая

Закон потерянных вещей. Nothing is so certain, as the unexpected. Или чего не чаешь, то и получаешь

Для Пинки наступило очередное утро во дворце и в одиночестве, а не в любимом Ноевом Ковчеге в кругу большой, горячо любимой семьи. Она решила полежать и подождать Лестрейда в постельке. Лапка болела ещё с вечера, но она не показывала виду, боясь, что это удлинит её проживание у Большеглазого.

«Надо, чтобы Лекарь решил, что я уже здорова, и Большеглазый с лёгким сердцем меня отпустил бы. Я, конечно, могу убежать хоть сегодня, и даже не долечившись, но это огорчит моего спасителя, что в мои планы не входит», – думала Пинки.

Пришёл Лысый и принёс две миски – для Пинки и для Лестрейда.

– Голди, что-то твой друг запаздывает, обычно он здесь уже в это время.

В этот момент дверь открылась и влетел запыхавшийся Лестрейд.

– Мадемуазель Пинки, доброе утро! Я как раз к завтраку! Это очень кстати, я с вечера толком не ел, голодный как волк.

Лысый посмотрел на Лестрейда сурово, сказал, чтобы он

не шумел, ведь не на болоте находится и уток гоняет, а в сердце империи. Вздохнул, сказал, что в этот раз пёс явился и сильно запылится, а затем вышел, закрыв за собой дверь.

– Мадемуазель, позвольте мне этот кусочек на время прятать у вас в постельке, я его потом заберу и отнесу Коломбе, – прошептал Лестрейд.

– Конечно, очень хорошая мысль! А то мы тут едим от пуза, а ребёнок не пойми чем питается!

– Почему же не пойми чем?! Ей и доги Эркюль и Кристи корзины с едой приносят, и Дон Цова иногда «игрушки» притаскивает.

– Смотрите, чтобы она только играла, но не ела эти «игрушки». Этот докер Бог знает чему может ребёнка научить!

– Конечно, я ей рассказал всё, что нужно, по поводу этих «игрушек». Она их есть точно не будет! Но почему вы называете Дона Цову докером?

– Так он до того, как к нам в Ковчег попал, всю жизнь провёл в порту в Испании. Отсюда и воспитание, и привычки своеобразные. Но это не умаляет его других многочисленных достоинств.

– Теперь понятны ваши опасения!

– Ну, хорошо, – сказала Пинки, – теперь давайте поговорим по делу.

– А что, у нас опять появилось дело?

– А оно никуда и не девалось. Мы же так и не узнали, кто во дворце ведёт двойную игру!

– А ведь действительно! Этого мы пока не знаем! А как узнать? Злодей нам ничего не скажет по доброй воле, да мы и не знаем, кто он такой, – сказал сеттер и с энтузиазмом стал запихивать носом кусок варёного мяса под матрасик в кровати Пинки.

– А кстати, Лестрейд, позвольте узнать, что случилось? Почему вас не кормят дома?

– А, ерунда, потом вам расскажу, – и сеттер суетливо закрутился на месте.

– Нет уж, рассказывайте сейчас! Мне нельзя нервничать. А вы тут тень на плетень наводите. И пыльный вы сегодня не в меру. Лысый совершенно прав. Вы что, дома не ночевали?

– Да, пришлось сбежать на пару дней.

– Так что же случилось? Что вас вынудило отойти от привычного ритма жизни?

– Обычное дело. Хозяин придумал ерунду, – Лестрейд не знал, как начать, – решил мне невесту подобрать!

– Да вы что! Может, нам попросить Кар-Карыча ей тоже шёрстку повыдергать, как тогда у незадачливого Чёрного Питера?

– Не поверите, Кар-Карыч уже это предлагал, но я отказался. Всё-таки она сука, а не кобель...

– А в чём разница? Я не поняла, что за дискриминация по половому признаку?

– Ну как, она же леди, а не джентльмен!

– Так-таки и леди? – улыбнулась Пинки.

Они посмотрели друг на друга. В глазах Лестрейда была паника, а в глазках подруги сверкали весёлые искорки. Первой засмеялась чихуашка, затем к ней присоединился сеттер.

– Ладно, – сказал Лестрейд, не переставая хихикать, – этот вопрос я решу. Не в первый раз! Выкручусь как-нибудь! Давайте, если вы не против, о деле поговорим!

– Давайте, эту проблему нам надо решить как можно быстрее. Я думаю, что в посольстве заменят провода дня за два-три, в зависимости от того, как много их Брауни повредил, а потом опять начнут передавать информацию. Так что нам надо быстрее найти человека, который вредит Большеглазому и передаёт в прусское посольство его секреты.

– И с чего мы начнём?

– Начнём с того, что от него должно пахнуть страхом, и он должен иметь возможность читать бумаги или слышать, что говорит Большеглазый. Таких не очень много, но и не мало! Таким может быть даже его повар. Он всегда заходит, когда надо обсудить подготовку к важным приёмам. И во время обедов он всегда в зале следит за подачей.

– А вы откуда всё это знаете?

– Я теперь тоже иногда слежу за подачей, откуда-нибудь из кресла или с банкетки. Меня туда Большеглазый велит усаживать. Ему приятно меня видеть во время обеда и угощать, передавая мне лакомые кусочки.

– Прямо в кресло?

– Ну да. Он ко мне очень хорошо относится. Мисочку мне

ставят прямо в кресло. Я, честно говоря, ем через силу, из уважения. Странное чувство, необычное для меня. Еда есть, а съесть не могу... Ну да ладно, опять отвлеклись! Давайте, наконец, сосредоточимся на деле!

– Давайте, я весь внимание!

– Итак, начнём с кухни. Нам надо туда пробраться незамеченными. Вам надо отвлекать на себя внимание, а я постараюсь туда быстро проникнуть. Посмотрю, как и кто там готовит, может, я не всех видела.

– Когда начнём?

– Сейчас. Нет смысла откладывать.

Пинки и Лестрейд отправились в сторону кухни привычным им и давно отработанным манером.

Лестрейду открывали двери, а Пинки проскальзывала за ним незаметно из зала в зал. Когда они добрались до кухни, чихуашка совсем вымоталась и еле перебирала ножками, при этом сильно прихрамывая.

– Друг мой, я переоценила свои силы и возможности. Мне трудно будет прятаться при такой плохой маневренности. Пока зайдём в буфетную, и я полежу где-нибудь под столом, а вы меня подождёте здесь, за диваном. Не ходите один, всё равно вас сразу выгонят с кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.